

Сергей Рядченко

Мальчик со скрипочкой

(Полет валькирий)

Сергей Рядченко – не только писатель, но и экспериментатор. Как и многие его предшественники, он поставил эксперимент на себе. Решил проверить и доказать, что можно состояться как известный писатель, и не покидая любимый город.

В сентябре 2017 года Сергею Рядченко исполняется 65 лет. Время предварительных итогов. Думаю, что эксперимент удался. И дело даже не в том, как много издано, еще больше написано. Дело в другом – Сергей уже вошел в живую мифологию Одессы. А это много стоит.

Поздравляем Сергея Ивановича. И ждем его новый роман.

Е. Г.

Не люблю куннилингус, кашу из тыквы и занудное время суток после полудня с трех до после пяти. Здесь у мира явная трещина, угодишь в нее, не воротишься.

На часах пятнадцать-пятнадцать, пёкло, дует горячий ветер, суховея степной из большой духовки, и пиджак, хоть и парусиновый, но под ним рубашка к спине прилипла, и куда ж нам без пиджака, за вокзалом аэропорта рев турбин, а тут, у фасада, зной звенит и асфальт промят, за очками с темными стеклами от себя все равно не скроешься, закурил, поискал тенек, жидковат у киоска с урной, зато выход как на ладони.

На дворе девяносто пятый. Многих нет уже, кто тут был, а иные, знаем, далече, остальные пока при деле, ты вот сам давай не зевай, за четыре недавних года примелькался аэропорт, как подъезд родной, как крыльцо, как на кухне вид из окна, а замыливать глаз негоже, проморгайся и виждь, и внемли, тигру ж в чаше

тоже наскучило, ему ж тоже там все, как дома, но охотится ж, не скулит, ушки, знай себе, на макушке, а обмякнут, пиши пропало, кто замешкался, тот и жертва, это квантовый переход, на прицелиться ни секунды, один выстрел на все про все.

Объявили, что приземлился.

«Сamel» в урну, пошли встречать.

Промакнул платком лоб и шею, и поморщился, а чего? Да того, что волос на башке все меньше, вот и кривится, и скривился, бесконтрольно, автоматически, но однако же отследил, губы выровнял, молодец, далеко пойдешь, не догнать, не иначе дворником будешь.

Зарядил в себе пружину и втемяшился во встречающих. Рейс из Вены по расписанию, а с таможней не угадаешь, жизнь, ребята, полна сюрпризов, не был в Австрии, вот не выбрался, а отец там встретил победу, и восьмого мимо него плыли трупы по мутной Тисе, редко что о войне рассказывал, а про это Коля запомнил.

Вот и первые венцы к нам, среди них моего не видно. В ритме вальса, ребята, повеселее, поразмашистей, позазорней, обнялись разок, и довольно, и на выход, чего толпиться?

Ну и где ж вы, герр Иванов? Не вписали хрен в декларацию? Ай-яй-яй, какая беспечность! Хватит мешкать, поторопитесь, пропотел уже тут вас ждать, пропотел насквозь да повыпотел, как у топки с лопатой тот кочегар в «Раскинулось море широко», и волны бегут от винта за кормой, и мне не сдержат уже пару.

Ну а в самом деле, куда девался? Ну не мог же я проморгать. Этот я у этого Автора, он такой у него чувак, что подобных сбоев не знает, до сего момента не знал, он у Автора Ванька-Встанька, Николайка-Неповалейка, у него сердечник стальной внутри, все уверены в этом, кто с ним знаком, больше всех уверен сынишка, был уверен, пока не убыл через Австрию в штат Невада, его мама там сомелье в казино в деревне Лас-Вегас, и ему теперь там пятнадцать, и он хочет стать полицейским, в Неваляеве стальной стержень, в Неваляеве стальной стержень, в Неваляеве стальной стержень, и об этом знают все, пей до дна, Коленька, пей до дна, ну никак проморгать не мог.

И куда ж подевался герр Иванов? VIP-персона на много денег. Где прикажешь его шукать? Может, запил герр, продрых приземление, да и дрыхнет дальше под ковриком в летаче? Про «под ковриком» так Невалаяев шутит сам с собою, а больше не с кем, bythewayhemovesfasteralone, youknow, да оно и понятно, сами такие, а вот герр Иванов, может статья, что развязал не в полете, а накануне, и по трапу в Швехате не взошел, а кельдымит где-нибудь на Рингштрассе, а ты тут встречай его сколько влезет, в меру собственных разумений на любой подходящий тебе манер, отдувайся за всех, потей, закаляй, Николай, свой булат внутри, чтоб сынишка бы мог гордиться. Мы на сотовых третий год, набрал Вену, Зураб услышал, отзвонился через минуту, в пассажирах числится, дальше что?

– А трубу не берет, – сообщил Зураб.

– Да ты шо? Ну гора, Зурик, с плеч! А я думал, только меня не любит.

– Не смешно, – говорит Зураб.

– Так не смейся. У вас там сколько?

– На час меньше.

– Градусов сколько?

– Двадцать пять. По Цельсию.

– А у нас под сорок.

– Пошустри там, да? А я тут.

– На связи.

Вернул сотовый в карман справа, для равновесия, слева есть без него чем пиджак топырить, этот шмат эбонита надежен, как вся Финляндия, затрезвонят сейчас из Хельсинки, если Зурик им доложил, лейтенант милицейской службы вяло косится, не опасен, мотивирован, стрельну́л «Самел», а таможенник подтвердил, Иванов через них проследовал, был досмотрен и был таков, только он никакой не герр, а совсем другой, из Тамбова, если верить его прописке, а кому же, если не ей? Во денек! Казначей пропал, растворился в дрожащем зное, хай шукуют его по Австриям, доложил, имел что послушать, сам такие знаю слова, испросил инструкций себе в отмазку, получил, и они простые: оставаться на месте и ждать инструкций. Эбонит аж взмок и горячий, вот протер его о штаны и едва успел воротить в пиджак, как меня

схватили под локоток, двадцать мыслей в миллисекунду – герр явился, не запылится? не та хватка, иная вкрадчивость, проморгал со спины подход, так недолго и пулю, или как раз? вот оно, допрыгался Неваляйка? может, грохнуть не глядя? и будь, что будет, справа-налево-к-подмышке-вверх, поздно, свистнет рак на горе, стой уже, не верти башкой, в руцы Твои предаю себя... Над плечом голос в ухо аж до мурашек:

– Прошу прощения.

Обернулся. Худой, высокий, не боец, но стрелком ему в самый раз, но не в этот раз, не оно, господин из не этой оперы, из какой же? одет с иголочки, как на рейсе из Копенгагена, шевелюра «Анджела Дэвис», в черной чаще куст седины, выскерк стекол очков в золотой оправе, глаза карие, стекла синие, взгляд приветливый, кожа смуглая, лицо бледное, нос горбатый, хищный, острый, усмешка тонкая, легла наискось в правый угол, над усмешкой усы, не усы, а усики, тонкой линией над губой, латинос? цыган? агент Моссада? в футляре «узи»? или же скрипка?

– Прошу прощения, вы Николай?

– А вы Родриго?

Он рассмеялся, веселый малый.

– Вы Неваляев? Ну это ж ты же?! Не обмишурился?

– С утра был я. Да и жарко спорить.

Он рассмеялся.

– Меня не помнишь?

Пожал плечами:

– Уволь, браток.

– Феликс я. Не можешь узнать? Валяй! Двор семь-девять на Пироговской.

– Да, семь-девять, и что? И кто ты?

– Я сын Клары. Феликс Камранди.

– Йо-ма-ё!

– Узнал наконец?

– Шутишь, Феликс? Узнать нельзя. Можно только поверить на слово. Да и то лишь с учетом вот этих вот честных глаз.

Рассмеялся.

– Всегда балагурил! Помню. Вот это встреча!

– Ну ты и вымахал, каланча! Это ж сколько теперь тебе?

– Мне, Валяй, тридцать девять стукнуло. А тебе в таком случае сорок пять. Не ошибся?

– В точку, чувак.

Из кармана зуммер, берем трубу, нет, представьте, не объявился, да не сел он на этот рейс, рубль за сто вам, кельдымит Гарри, Гарри Кимович Иванов, пускай сами там на ушах ходят, руки в ноги и лыжи в руки, пошукуют его по Альпам, их проблема, а нам чего, нет, не груши тут колочу, а, напротив, обнюхал все перенюхал, и в сортире, и в багаже, и на взлетном, и в самолете, так что знаю не понаслышке, гляжу в оба, есть не зевать, до дальнейших распоряжений, всегда ваш, на связи, на месте. К переносным нелюбвицам Невалюю сюда же еще одну – неприязнь к сухому закону: Гарри Кимович, всем смеяться, он не русский, он, бляха, финн, и у них с этим делом строго, потому когда вырывается за пределы родной Суоми, так и сразу же вот вам здрасьте, и понять человека можно, а простить уже с этим туго, вот морочься раз через раз, не ханжи же, сами не прочь, но не так, чтоб другим морока, а в других, яшень-красень, Коляй-Неваляй с Зурабом и еще с десятков таких, как мы, так что, герр Иванов, балда вы, но желательно, чтоб живой.

– Ты встречаешь?

– Да, потихоньку.

– А я только что с самолета. Десять лет, представляешь, в Одессе не был. И кого вижу первым! Ты представляешь? Я мгновенно тебя узнал.

– Ну, по шраму дело нехитрое.

– По какому шраму?

– Да вот по этому, – пальцем чиркает Невалейка по рубцу от скулы и вниз.

Озадачен худой-высокий, удивлен за синими стеклами, шевелюрой трясет, будто скинуть хочет.

– Елки-палки-перемоталки! И тогда был?!?! Вот это да! А не видел! Ты представляешь? Сколько ж раз тебя вспоминал, сколько ж лет, почти каждый день, а про шрам никогда не помнил. И сейчас бы не обратил, если б ты вот не надоумил.

Из кармана зуммер.

– Занятно, друг. Память фокусы шутит, да?

– Ни тогда, ни сейчас не видел. Это детское восприятие. У ку-миров изъянов нету.

– Ты психолог?

– Я музыкант.

– Ну и как тебе эта музыка?

Взял трубу, кегельбан в разгаре, шар за шаром, на рейсе был наш товарищ герр Иванов вместе с тем другим из Тамбова, оба в Швехате в регистрации, а до нас добрался один, а другого теперь добудь, где угодно, из-под земли, не сошел же он по дороге, не смешно, бы сказал Зураб, и с ним трудно не согласиться, но должны быть еще варианты, Неваляй говорит в трубу:

– А не факт. Алкоголики народ хитрый. Может, наш парашю-том запасся загодя. Нефиг делать с базара прыгнуть.

Его юмор не оценен, ему велено, чтоб не умничал, а работал, зарплату бы отрабатывал, разыскать и доставить хоть так, хоть эдак, и как понял?

– Добро. Шукаю. Так откуда ты, музыкант?

– Из Байрейта. Вот через Вену.

– Из Байрейта? Это Бавария?

– Ну даешь! Неужели знаешь?

А чего Неваляю не знать Германию с географией? Нет причин; сколько «поршей» пригнал оттуда, без пехоты работали, сами гнали, фуит Троя, фуимус трояни, а ему пояснил попроще:

– Фуимус трэс, Феликс, фуит Илиум. Да не парься, сказал навскидку. А вообще, старик, сам подумай. Кто ж про Вагнера не слышал!

Забодал его интеллектом, и покуда аплодисменты, Неваляй наберет Зураба, с кем еще тут перетереть? У Зураба та же картина: раздобудь или застрелись.

– Ну и что полагаешь, Зурик?

– Я? А ты?

– Я первый спросил.

– Я ж ответил, как вы там любите. На вопрос вопросом. *Так там у вас?*

– Вижу, Зурик, развеселился?

– Так а что? А разве не весело?

– Ты б сказал мне, что не смешно.

– Так и правильно. Не смешно. Это разные вещи. Весело!

– Ладно. Вот что тебе скажу. Я пока что беды не чую.

По-немецки Зураб кому-то, то ли просьба, то ли послал.

– Да? И что? – говорит он в трубку.

– Не садился наш герр на рейс. А слинял и к цыганам в табор. И гульванит с ними в кибитке. Там у вас по родине Моцарта. И кочует и кочумает. Распевает романсы там про финансы. Шнапс с ромэлами распивает.

– Гитлер тоже родился здесь.

– Так тем более. Вот все сходится.

– Хорошо бы, чтоб ты был прав. Все. Я тут за рулем. До связи.

О штаны трубу потереть, платком ухо, скулу, щетину, рубец обжил, вот раззудился, тыщу лет не помнил никто о нем, вы куда, профессор кладете бороду? рассказал ему анекдот: позвонил под вечер студент обиженный, отомстить за «неуд» профессору, усыпил внимание, весь расшаркан, вот спасибо вам, мэтр, за пару, вот спасибо вам за банан, сел штудировать к пересдаче, целый мир для себя открыл, ваш предмет это просто сказка, вот не знал же, был дураком, а теперь прозрел и в восторге, доскональна ваша наука, получу, профессор, диплом, напрашусь к вам в аспирантуру, и профессор размяк добряк, а студент ему говорит: все хотел вас спросить, профессор, только прежде все не решался, а сегодня не откажите, вот у вас борода окладиста, да такая, что всем на зависть, до пупа у вас борода, так вопрос у меня такой: вы когда отходите в сон, профессор, вы куда ее, бороду, под одеяло или поверх? возмутился профессор: а вам-то что? да какая разница? да не знаю! швырнул трубку в сердцах, пожелал родне сладких снов, лег в кровать, укрыл себя с бородой, неудобно, пустил поверх одеяла, и опять не так, и опять не то, все не то теперь, куда ни мости...

– Так вот он и промаялся, Феликс, всю ночь до утра, профессор.

Тот смеется:

– Чего вдруг вспомнил?

– Про рубец свой. Зудит теперь. Нет, к тебе никаких претензий. Он в дискурс к нам с моей подачи. Мой базар. Ну давай, сын Клары, держи клешню. Рад был. Всех тебе благ. Семь футов под килем.

– Погоди, Валяй, не гони. Для меня тебя встретить – событие! Дар небесный! Не могу так просто расстаться. Разреши угостить обедом.

– Ну куда, чувак? Сам же видишь. Запара тут. Бег на месте с барьерами. Эстафета. Извиняй, старик. Noway.

– Да я сам, Валяй, со всех ног несусь. Я ж на сутки всего сюда. Все равно всего не успеть. Ну давай хотя б на часок присядем.

– Ну куда ж, родимый, в жару такую?

– Подскажи куда, где кондишн. Я тут не был с до перестройки.

– Где кондишн? А что, в этом что-то, пожалуй, есть. Я бы даже сказал, заманчиво.

– Соглашайся. Я умоляю. Я такое тебе расскажу, что представить себе не можешь. Уверяю, не пожалеешь.

– А ты, случаем, не Мефисто? Искушаешь, как Люцифер.

Сам спросил и сам же задумался, кто ж таков он тут, этот Феликс, словно чертик из табакерки? Был сынок у Клары Камранди, может быть, когда-то, нет, был, кажись. Где та Клара, где тот сынок? Сходства с этим в упор не видно. Да и Клару едва б узнал. А не чуйка ли тебя гложет, что с тобою рядом опасность? Или просто шалят нервишки под стать общей неразберихе? Различай, Невалей, не мешкай. Только что-то ответ не сходится. Мутно, муторно. Вот денек. А высокий-худой с иголки, прижимая к себе футляр, – что в нем, скрипка или не скрипка? – на меня глядит с обожанием сквозь очки со стеклами синими в золотой оправе на хищном шнобеле, и подвижен он головой на высокой, но крепкой шее, влево-вправо, туда-сюда, шевелюра вся ходуном, чаща темная с белым клином, вот теши ему, не теши, в колыхании, как листва в «Blowup» у Антониони, но при этом глаза в глаза, не отводит, смущения бременем не придавлен. Да кто ж таков? Может, правда ему Невалей кумир? Вот с чего бы? Шукай подвоха. Все полегче, чем казначея. Подвох тут, если сыщется, вот, под боком, а тот в Австрии, если сыщется, был бы жив.

– Мне частенько шьют, что похож на черта. Мы же внешность не выбираем. Все от мамы с папой. Ну правда же? А ты знал моего отца?

– Слушай, друг, в самом деле сейчас не в жилу. Другим разом, брат. Без обид.

– А ты знаешь? Я знаменитость. И обязан этим тебе, Валяй.

Из кармана зуммер, жизнь своим ходом, есть еще тут, смотри, такие, кто ни сном, ни духом про герра, пропажу дня, им что был этот герр, что не был, совершенным образом параллельно, беззаботен их щебет в трубке и сулит вам услады райские, ладно, Рита, давай потом, не с руки тут, да, как условились, постараюсь не задержаться, Ритка, свидимся, нащебечешься, понял, Рита, «Чинзано Бланко», ровно в девять, труссы сними.

– Знаменитость? И чем обязан?

– Вот хотелось бы по порядку.

– Да ты шо? А мне б дом на Аляске над океаном. В самом деле хотеть не вредно. Ты с конца начинай. В скрипачах прослыл?

– Начинал как скрипач.

– А выбился в киллеры?

– Почему? Я Феликс Камранди. Дирижер. Я в зените славы. Думал, если, Валяй, про Байрейт слышал, то тогда и меня знать должен.

– Должен, Феликс, конечно, должен. Но, увы, браток, не сложилось.

– Балагуришь? Не изменился. Нет, пожалуй, еще загадочней. Вот не зря вспоминал тебя каждый день.

– С фестиваля к нам, говоришь? Вот как раз же и август. Время Байрейта?

– Ну, Валяй, ты даешь! Ты операман?

– Вроде нет. Просто так, по случаю. Что давали? Навскидку, не «Парсифаля»?

– Нет, – смеется. – С «Тангейзером» там управился.

– Успех, касса, деньги?

– Фурор. Бесплатно.

Из кармана зуммер, это Борейко, Иванова нам из Тамбова разыскал он в «Империале», в том, который теперь «Спартак», тот там в номере двадцать восемь, с меня виски, Федор Петрович, что б без вас мы? да никуда, ждите в гости, всех благ, спасибо. Это так, чтоб на всякий случай, это вилами по воде, голый номер в номере с телевизором, но чем черт не шутит, а вдруг там сдуру это все-таки Гарри Кимович, хоть назвался Борисом Фролычем и состарил себя под семьдесят, тут одна лишь зацепка в том, что

до пенсии был бухгалтером у себя в Тамбове на мясобойне, это выяснил еще раньше у сердитого Геродота, с детства он у нас Геродот, и в сердитых тоже оттуда, хоть, конечно, он Шура Дымченко и, конечно, полковник, а не майор.

– Ну скажи хоть, Валяй, чем по жизни занят. По тебе угадать невысказано.

– Шоферю, друг. Вожу министра. Вот встречаю, а он не телится.

– За нос водишь?

– Кого? Его?

– Не созрел еще подкрепиться нам?

– Ну прилипчив ты, брат, как «БФ» из тюбика.

– Не пеняй, Валяй. Я в прострации. Столько лет мечтал себе, представлял, что тебя вот встречу и расскажу, чтоб узнал ты то, о чем знать не знаешь. Это важно. Вот ты поймешь.

Из кармана зуммер, на этот раз сам Аттила, всем вольным смиренно, доложил ему про тамбовца, что сыскался тот в «Спартак», и про все, что наскреб по сусекам в духоте на скорую руку, почему к тамбовцу не ринулся? потому что инструкции тут торчат и глазастать на все на четыре стороны, кого умного те инструкции? ну так это, от Парамона, чьими им еще, бляха, быть? планетарного, бляха, Логоса? а Аттила суров как айсберг, хоть в другой раз и сам не прочь посудачить про кванты с кварками, а сейчас вопрос на засыпку: допускает ли Неваляй, что киднэпнули казначея прямо с поля, как только с трапа, пока все мы ловили гав? нет, Аттила, не допускает, из салона не выходил и в салоне не обнаружен, так что пусть по Европам рыщут; директивы старые в урну, пару слов к уму Парамона с налеганием на извилины, по Аттиле не шибко много и прямые все, как доска, кто бы спорил, поступим правильно, Неваляю мчаться в «Спартак», убедиться, что тот Иванов не этот, ну хотя б, чтоб от Хельсинки отбойриться, блин, штабисты, сказал Аттила; так отбил, что в ухе звенит.

– Интриган ты, Феликс Камранди. Ну лады, дирижер, погна-ли. Заскочу в «Спартак» на минуту и присядем на пять минут в Горсаду.

– Может, в Лондонской?

– Видно будет.

Про «Nissan» спросил:

– Внедорожник твой?

– Министерский. А ты на чем разъезжаешь в своих Америках?

– Не в Америках. В Дрездене. «Мерседес».

– Дети есть?

И поехало б дальше «а ты?», «а ты?», только Феликс тему не взял, а по стебу или от счастья, закрутил шарманку об опере, о «Тангейзере», вот свежо, кстати, первым в рамках Байрейта дирижировал Феликс Моттль, его тезка, вот цикл замкнулся, обрамили два Феликса целый век, тому тоже достался «Тангейзер» смешанный, сопрягли в постановку обе редакции, и французскую из Парижа, и немецкую, дрезденской называют, и в таком сопряжении работенка дирижировать этим действием, много узких мест в партитуре, в них проход как в Сцилле с Харибдой, и Камранди их все озвучил, разъясняя, где сложность в нотах, все пропел одно за другим Неваляю в джипе «NissanTerrano».

– А валькирии где у него летают?

– А валькирии летают в «Валькирии».

На проспекте Патриса Лумумбы Неваляев ему сказал:

– Был бы ум бы у Лумумбы, был бы Чомбе ни при чем бы.

И смотрел на его реакцию, что-то мулит, скребет по сердцу, ушки ж, правильно, на макушке, что-то тут не так с этим Феликсом, но на этот крючок не пойман, среагировал как родной, посмеялся да покивал, и вопрос его тоже в жилу:

– Ну а ты за кого болел? Я, конечно, за «Черноморец».

– Угадал, чувак. Я мобутовец. За Клуб Армии andforever! Мы всем классом были в мобутовцах. Одноклассница дочь командующего. Вот красавицей же была!

А сын Клары и того пуще, предъявляет нам словно ксиву:

– Точно, так мы вас называли. Вот напомнил и сразу вспомнил. Помнишь? Это ж во всех газетах, на слуху и вообще повсюду неразлучная эта тройка, Мобуту-Чомбе-Касавубу, Чомбе, Мобуту, Касавубу, Касавубу, Мобуту и Чомбе, африканские ипостаси черной троицы. Да, скажи?

– Ты же малым был. Как запомнил? Вундеркинд?

– Ага, вундеркинд.

– Не беда. Нужны и такие.

Улыбнулся:

– Не сокрушаться?

– Да, прости себе. Дело давнее.

– Просто камень с души снимаешь.

– Компанейским же местом Союз был, да? Как компанию развернут, всех достанут. И стар и млад. На всю жизнь мозги пропечатали. Как там в Дрездене? Снятся сны?

– Если честно, я тогда думал, что это один человек такой. С тремя именами. Такой пират. Чомбе Мобуту Касавубу. А хорошо, да? Злодей такой.

– Ты смеешься, та же фигня. Я до школы уверен был, что Карлмаркс это имя у бородатого, а фамилия Фридрихэнгельс.

Пробрал хохот, проспект проехали.

Дирижер свою кисть холеную вдруг кладет Невалю на руку, та на ручке переключения.

– Ты чего, браток?

– Да душа поет! Вот всю жизнь тебя вспоминаю.

Между пальцами дирижера на водительском кулаке бледно-синяя буква, давно набитая, «М», а может быть, дубль-вэ (W), точки нету, не угадаешь.

– Подержался, Феликс, и будет. И вообще.

– Да понял. Не развивай.

Припарковал Невалев «NissanTerrano» на углу Карла Маркса и Дерибасовской с гарнизонной столовой рядом.

– Подождать?

– На воздухе, Феликс. Не обессудь. У министра тут в бардачке, он работает с документами.

– За нос водишь?

– Кого? Его?

– А с тобою можно пройтись?

– А давай. В том греха не вижу.

К перечисленным нелюбовям тут еще одна неприятность: тех гостиниц на Дерибасовской Невалев на дух не переносит, ни «Спартак» с «Москвой», ни «Пассаж». Тут от фикусов в кадках сыростью, тут поруганность былой роскоши, и душок мертвечины из всех щелей, старина как на месте, а лоск убит. Оно так, конечно, не только здесь, но об этом думать себе дороже.

Борис Фролович он не сам, на стук долго не открывает, открывай, бухгалтер на пенсии, аудит к тебе по Тамбовской бойне, и дружина нравов к тебе же, дядя, это чем ты тут среди бела дня? дабы снять свой стресс, Невалей дверь вышиб, ну не с почты ж он с телеграммой, чтобы ждать, пока отворят, этуаль шмыгнула в санузел, а бухгалтер в трусах чешет грудь, выражается некультурно, возмущается по-нетрезвому, присмирел, схлопотав по ребрам, и готов признавать грехи, а про главный-то знать не знает, что не тот совсем Иванов он, а напрасно, мог бы, да вот не смог.

– Так скажу тебе, Борис Фролович. А вот зря ты не Гарри Кимович. Так а что ты в Вене забыл?

Оказалось, что ездил к дочери, та не в Вене, а в Линце за африканцем, на Дунае Линц, там Адольф родился, сукин кот, сказал Борис Фролыч, и стал плакаться про внучат, про цвет кожи и все такое.

– Ладно, дядя. Парик поправь. Ну бывай, не скучай. Завершай процесс.

Доложил Аттиле, присочинил, что пушусь по злачным, по тем, что помню, где случалось прежде надывать нашего, его тепленьким и целехоньким, у Аттилы новости, но не в трубку, головой вертеть на четыре стороны, быть как штык на базе в двадцать ноль-ноль.

Дирижер в вестибюле в кресле.

– Всё? Управился? Куда двинем?

Приземлились они за столиком под навесом на тротуаре на Гаванной улице за Горсадом. И поведал Феликс Камранди Невалееву Николаю про свою ему благодарность. Вышло очень душещипательно. В этой саге о благородстве Невалей выступает как благодетель. Вот, не дай Бог, не окажись он в ту пору в том страшном месте, так пропал бы щуплый мальчонка, безотцовщина, шлюшкин отпрыск с вечным насморком и в очках со своей неразлучной скрипочкой, там и сгинул бы, не дожив до расцвета своих талантов, пал бы жертвой жестоких нравов, что царили в большом дворе. Двор семь-девять на Пироговской протянулся на весь квартал, от ОДО до Сельскохозяйственной, в нем рождались после войны сплошняком мальчишки, девчонок пшик,

было б дело в далекой Спарте, слабаков бросали бы в пропасть, ну а тут их просто травили всем двором, ничтоже сумняшеся, за еврейство тогда не принято, и в ублюдках не только он, так что жертва определялась по совсем простым атрибутам, нужно хилым быть как сопля и робеть от всего на свете, это более чем достаточно, чтобы в парии угодить, а коль скрипку в руках таскаешь, так чего же тебе еще, так ату тебя и по уху, и под дых тебе, и под глаз, как-то даже штаны стащили и закинули на акацию, и пришлось за ними карабкаться голяка на глазах у всех; задушила бы та обида или сам бы взял удавился, но судьба проявила милость, и пожаловал Неваляй, он, как юный тот барабанщик, долго, видимо, где-то спал, а потом проснулся, перекувыркнулся, всех фашистов разогнал...

– Ты б уж лучше, чувак, тогда бы к Илье Муромцу приравнял бы. В барабаншике стуку много. А Илья полежал на печке, сколько надо, а после встал. Так, что мало не показалось.

– Да ты сам Николай-Валяй!

– Было дело. Фуимус трояни.

– А откуда, кстати, ты вдруг возник? Это ж правда, как ангел с неба.

– Из Туркмении, из Чарджоу. Отца в округ сюда как раз.

...взял Валяй мальчика под крыло, тому семь, самому двенадцать, так поставил себя со старта, что вопросы вскоре отпали, превзошел всю свору свирепостью, бил по-взрослому, наповал, так махаться тут не умели, да в том возрасте, ну куда, и настала другая жизнь у затурканного мальчонки, и поверил, что так бывает, в чюдеса и в надежность друга, и назревший в нем диссонанс – когнитивный, сейчас сказали б, – что едва его не прикончил, рассосался как леденец, с горьким вкусом, зато полезный; даже в школу в ту пору, бывало, отводил Неваляй вундеркинда, чтоб на улице тоже знали, что к чему и кто за кого, а бывало, до дому из музыкалки, чтобы скрипку не обижали, а еще на Отраду на баржи и учил там с носа нырять, а еще, а еще...

Неваляев слушает и дивится, и умиляется, и действительно удивительно оглянуться с горы сегодняшней на тот двор и увидеть там: вот какие ж бывают люди, просто ж рыцарь славного образа! вот с таких бы брать бы пример бы.

...а потом Клара вышла замуж, перебрались на Островидова, ну а дальше уже все гладко, там под боком консерватория.

– И в каком же году это, Феликс, было?

– В шестьдесят втором. И больше не виделись. Ну ты вспомнил меня? Скажи.

Из кармана зуммер, бывшая из Невады, но в трубе сынишка, а не она, когда ж папа к ним наконец? это он всегда вместо здрасьте, и ответ потому такой же, скоро, сына, таков ответ; у сынишки усы растут, фото папе уже в пути, и давай уболтают маму, чтоб купить ему какаду, сорвалось, помехи на линии, тут же зуммер, Валяй, не глядя: может, лучше жако, Максим, говорят, болтают бойчее; а Зураб ему:

– Я Зураб. Ты чего, попугаями там торгуешь? Тут такое дело, браток, что, похоже, пошла охота, не гадай на кого, на нас. От Аттилы не смог добиться, у вас как там, пока голяк? Ну а тут еще одного не сыщем.

– Лучше, чем набрести на «двести».

– Оно так, но рамсы дрянные. Ты б подался пока в Разлив. Ну хотя б до утра, а там видно будет.

– Тут сходняк у нас на носу.

– Наши дяди нас не прикроют. Знаешь сам не хуже меня.

– Харэ, Зурик. Не волновайся. Брат, где наша не пропадала? Сам ты как? При доспехах?

– Я тут за рулем. Кстати, Коля, ты там один? Незнакомцы к тебе не сватались?

Ой-ля-ля! Так вот он напротив. Зоркий глаз за синими стеклами. И его я вижу впервые, что б он тут мне ни говорил.

Говорит Неваляй Зурабу:

– Мы же замужем. Что к нам свататься?

– Ну бывай. Удачи.

– Давай. До связи.

Дирижер из Дрездена Феликс Камранди проявил участие:

– Неприятности?

Неваляй коньячка махнул.

– Чтоб ответить тебе, кормилец, нужно в терминах разобраться. Что приятности, а что нет.

Снова зуммер, опять Невада.

- Скажешь снова, что закулиса?
- Она самая. Мировая. А подслушивать разучились. Нравы падают. Крах профессий.
- Ладно, папа. Скажи о себе два слова. Ты в порядке там? Не хандришь?
- Да спасибо, Макс. Полет проходит нормально. Просто жарко. Но с этим справимся.
- У нас тоже совсем нехолодно. Я соскучился.
- Ха! И тут результат такой же.
- Приезжай.
- Вот жара спадет.
- Так поможешь мне с какаду?
- Обещаю. Но только завтра.
- До свиданья, отец. Ни пуха! Маме трубку передаю.
- Хай, Машуня! Здравья желаю! Как там жизнь молодая? Вино не скисло?
- Говорят Неваляю *acrosstheocean*: рады слышать, что ему весело, но на самом деле смешного мало, потому как дело серьезное, у нее, забыл? аллергия на пернатых да на пушных, вот пускай хотя б разик в жизни пощадят ее и уважат, и избавят от этих нервов с этим долбаным попугаем; и она, черт возьми, права! у нее ж от братков наших меньших, как чуть что, так сразу же сопли.
- Будет сделано, командир! Убедю, Машуня, Максима. Как там жизнь у красавицы-сомелье?
- С ног сбиваюсь. Ноги гудят.
- Так зато ж красивые, Машка, ноги!
- Дать трубу ему?
- Занят. Перезвоню.
- Обещаешь?
- Не сумлевайся.
- А Камранди интересуется:
- Ты у жизни в диспетчерах?
- А ты кто?
- А я дирижирую.
- Ну а скрипка тебе зачем?
- Для души. И вот для тебя. Для тебя ж я пацан со скрипочкой? Так меня тогда называл?

– Да? Возможно. Уже не помню. Так ты хочешь сказать, там скрипка? Смычок? Неужели? Не «Скорпион» с глушителем?

– Ну зачем же, Коля, с глушителем? Пусть услышат. Ты пристегнись. Николай-Валяй, полетим в Валгаллу.

И хватает Феликс футляр и проворно сейчас распахнет его.

Вариантов развития действия этого в девяносто далеком пятом жарким августом, под конец, душным вечером в предзакатье на краю той трещины между мирами, их, вариантов, кому-то мало, а кому-то и два за счастье. Вот один, это Феликс пиф-паф, тра-та-та, и прощай, Неваляй, отбежался. Но ведь есть и другие. К примеру, вот. Передумал и не стреляет, перевесили сантименты, и они, Неваляй с Камранди, прослезившись и обнявшись, удаляются, как Пилат с Христом, по брусчатке по Дерibasовской промеж сутолок вверх к Соборке в лучах закатных прямоком в голливудовский хэппи энд. Тут гравюра была бы кстати. Тут бы Дюрер не помешал. Или вот еще с третьим лишним, все гадали, не угадали, к ним подходит официантка и кладет наповал обоих из «Беретты» из-под подноса, двое сбоку и ваших нет. Так их дважды свела судьба, на заре и вот на закате, завершили свои скитания и герой, и мальчик со скрипочкой, в одночасье, моргнуть не успев, ни прощай сказать. Так теперь не тут уже встретились.

Так и было б у модернистов, у кого ни возьми, великих, целый век модерн правил бал, но повыдохся, на излете, и на смену – постмодернизм, тоже штучка, скажу я вам, но вот шансы иначе мыслит, так что вдруг, гляди, пронесет.

В этом смысле такой еще есть вариант. Неваляев не Неваляев. Нет, конечно, он Неваляев, ну ему б не знать! Но не тот. Вот не тот он, хоть тресни, кто Феликса опекал в его трудном детстве, ни со скрипкой, ни с контрабасом. Знать не знает, в глаза не видывал. Про семь-девять только слышал. Кто ж у нас не слышал такого? Про семь-сорок и про семь-девять. Это ж надо же кем же быть? Обознался Феликс Камранди, но не хочется огорчать. Позабыл по своим он Дрезденам, что у нас их тут пруд пруди, и Валяев, и Неваляев. Распроститься б как-то по-божески да свалить бы уже с базара. Шел бы дальше мальчик со скрипочкой, да и горя б себе не знал, нес бы в сердце светлую память, да и горя себе не знал, рад бы встрече был неожиданной, да и горя себе б

не знал. Хорошо б вот было бы, здорово, чтобы горя себе не знал. Неваляй махнул еще коньячку, чтобы горя себе не знать. Вот такой вот мощный проект, как могло бы быть, если б было бы. Пост-модерн циничная штука, ну совсем не для слабонервных.

Можем тоже тут погадать, как же выйдет на самом деле там у них в тот миг на Гаванной. Полсекунды на все про все. Я, пожалуй, ставлю на вот что, что Коляй-Неваляй у Автора он такой чувак, каких мало, ствол в руке уже под столом, сам в Валгаллу всегда готов и других туда тоже не станет думать.

Угадал! Вот смотрите сами. ПСМ в руке под столом, снят с предохранения, курок взведен, дирижеру кранты, ребята. Но опять же тут два варианта: грохнет сразу, не дожидаясь, чтобы нервы сдуру не лопнули, да изюм же в том, кто ловчей, или все же рискнет дожидаться, что ж за скрипочка в том футляре, ну тогда он совсем скала.

Феликс опрометью вскочил, распахнул футляр да и замер, огляделся по сторонам на прохожих да на сидящих и расставил ноги пошире, а потом схватился за скрипку да навскидку, и заиграл. Резко, дерзко, смычком валькирий запустил в полет над Гаванной. Ну не мать вашу, а, скажи! Ах, и как же они летают, что у Вагнера в том Байрейте, что у Коппопы с вертолетами, что без Коппопы у Камранди. Хорошо живется в отваге тем, кто с крыльями и при деле, у кого в выражах на бреющем в сердце песня, а не мандраж. Кто случился там в тот момент на Гаванной и с нею рядом, всех валькирии и накрыли, пронизали и сбили влет, и наклеили постранично, словно бабочек разноцветных, в боевой лепидоптерарий... Боевой лепидоптерарий?!?! Это кто ж в такую влез ерунду? Не коньяк же? Нервишки, брат? И опять же сила искусства! Из огня да в полымя, потом в прорубь – не пеняй себе, проезжай, вот на спуск не нажал и рад будь. А вообще есть над чем, брат, рамсы раскинуть. Вот, к примеру, а в чем смысл жизни? Ну пускай сперва доиграет, а потом поищем ответ.

И нежданно-негаданно Николай-Валяй прослезился, аж чуть не всхлипнул. Да, на всякого мудреца и того довольно, и этого. Вот растрогался человек, жалко стало вдруг всех на свете.

Нам бы тоже с того базара подобру-поздорову пора валить. Вы, как знаете, а я б все же покрутился б чуток еще около. Любо-

пытно же, разве нет? Как расстанутся, куда дальше им. И опять же куча вариантов. В этом скрученном в струны в полет мгновении разрешений хоть отбавляй. Может просто все разрешиться: «Жигуленок» притормозит у бордюра, помятый, пыльный, и оттуда из «Калаша» весь рожок в Невалая и вколотшатят, ну а пару пулек достанутся тем, кому не везет в тот день, и Камранди, придя в себя, возрыдает над бездыханным благодетелем-балагуром, и потом весь век будет помнить, дирижируя по столицам, что хорошие люди гибнут, а с других как с гусей вода.

Может? Может. А может, нет. И пока мы ломаем голову над неясностью на развилке, Невалаяй возьми да задумайся, что с ним стало за эти годы, и куда оно все идет. И привиделось ему вдруг под полеты смычка по струнам, под гудеж виражей валькирий, что утратил он всякий смысл, и пора б ему застрелиться, и идея soundslikefun, он берет ее за основу.

А Камранди добил полет, опустил и смычок и скрипку, стало тихо, вернулся шум городской. А в кафешке аплодисменты.

– Ну что скажешь?

– Не видишь? Шмыгаю.

– Вот мечтал же все эти годы, что тебя непременно встречу. И сыграю тебе, сыграю! Чтобы знал ты, что все не зря.

– Ну спасибо, Феликс. Растрогал.

– Так и знай ты, мой дорогой, что не ты бы тогда бы если бы, так и этого б никогда. Спас меня ты, спаситель, выручил. А не то бы тут пусто было. Ни меня, ни скрипки. Ни звука. Вот поверь. Не маши руками. Вот сидел бы сам за столом.

Утирает Невалаяев платком глаза и за темными очками их снова прячет, нет, не плачет, а просто прячет от багровых лучей заката. Не с собою ж в прятки играть.

Говорит Невалаяев Феликсу:

– Молодой человек, вы, я вижу, склонны к драматизации.

Коньячка за это махнули.

И Камранди сказал:

– А знаешь, вот всю жизнь задаюсь вопросом. А зачем ты со мной возился? Ты ж по бабам. Каков резон?

– А на это ответить просто, – говорит ему Невалаяев. – А не знаю. Давно забыл.

- А и вправду. Тебе зачем? Зато я тебя всегда помню.
- А Клара, Феликс, жива?
- Да если бы. На могилу к маме приехал.
- Ну давай, дружище, прощаться. Пролетел часок незаметно.
- Так хоть адрес мой, вот визитка. Будешь в Дрездене, буду рад.
- Обязательно, Феликс, буду. Пирог пеки. Ну всех благ.

Обнимаются у кафе на Гаванной на тротуаре. У бордюра там «Жигуленок», ржавый, мятый, с пыльными стеклами. Нажелали друг другу счастья, и пошел Камранди к Горсаду, чтоб подняться к Преображенской, и идет Неваляев к джипу, и на этом оставим их. Пусть останется все, как есть, пускай все будут сдуру живы; пусть стоит себе, как стоял, у бордюра замызганный автотранспорт, пусть «Беретта» из-под подноса у Брунгильды-официантки для чего сгодится другого, не сюда к нам, не в этот день, а второе под скрипкой дно, окажись оно там, не окажется, и Камранди не передумает, не отбросит прочь сантименты, не вернется, заказ не выполнит, потому что и так хватает, и без этих страстей-мордастей, без добавочной паранойи, без модернов и постмодернов, тут и так все на волоске. Вот пускай он и не порвется. Мы ж из этого мига краткого, из никчемной этой секунды можем с вами увидеть запросто, как Машунину аллергию как рукой сняло в том Лас-Вегасе от карьерного повышения Маши в главные сомелье, и берут они попугая, и живет с ними тот сто лет, а Максим уже не в полицию, а в отважные астронавты, и Невада ему «виват!», и сыскался живой-целехонький казначей, чтоб пусто ему, и Зураб в трубу избавителем всем тревогам дает отбой.

Можем запросто.

Тут и точка.

А за ней все дальше поехало. И не терпится Неваляю за рулем на джипе «Nissan Terrano» на Французский бульвар домчаться, по знакомому переулку, что мы с ним Лейтенантским зовем всегда, съехать к берегу, к стадиону, он зовется Гаревым полем, хлопнуть дверцей и сесть на склоне, посидеть и проститься с морем, и пустить себе пулю в лоб.

Пожелаем ему осечки.

А второй раз казнить нельзя.